

люди маглемозе жили на плотках. Следует указать, что гипотеза Сараува в настоящее время оставлена, ибо дальнейшими исследованиями установлено, что жилища людей маглемозе находились на узкой косе, далеко вдававшейся в озеро¹.

Остается указать еще на некоторые мелкие погрешности рецензируемой книги. Из изложения на стр. 258 трудно понять, применялась ли в мустьерскую эпоху отжимная или контр-ударная ретушь, или оба приема существовали одновременно. Не следует к неандертальскому стаду применять термин «семейная община» (стр. 283); недооценено участие женщин в охоте в мустьерскую эпоху (стр. 287). Для верхнего палеолита рано говорить «о внутригрупповом разделении труда» (стр. 341), непонятно, что такое «поколения, ведущие счет по материнской линии» (стр. 348), — при делении орды только на поколения никакого счета родства и наследования вообще не ведется. Невероятно предположение о существовании мужских домов в ориньякско-солютрэйское время (стр. 398); они появляются только в эпоху распада матриархального общества; (фантастична реконструкция палеолитического тесла на рисунке 170 (стр. 402). Не обосновано мнение автора о позднем появлении лука в культурах арктического типа (стр. 405); не убедительно голословное отрицание введенных Брейлем понятий — «атлантический» и «средиземноморский» круги (стр. 611).‡

Нужно отметить также некоторые технические погрешности издания: отсутствуют предметный указатель, географические карты и достаточно полный аппарат примечаний. В примечании на стр. 594 говорится: «литературные указания см. в конце книги». Они, однако, отсутствуют. Некоторые портреты (например, Энгельса) сделаны плохо; в объяснениях к рисункам стоят номерки (отмечающие отдельные орудия), не помеченные на самих рисунках (стр. 445 и др.), в силу чего объяснения оказываются бесполезными для неискушенного читателя.

Наконец, самое отрицательное впечатление оставляет предисловие редакции — бессодержательное, беспомощное, ничего не дающее читателю, но зато... страшущее издательство.

Отмеченные недостатки, пробелы, ляпсусы, неизбежные в книге подобного объема, отступают, однако, на задний план перед высокими достоинствами труда, выход которого приходится расценивать как крупное достижение советской исторической науки.

А. Золотарев

К вопросу о монетах «Герая»

А. Н. ЗОГРАФ—*Монеты Герая*, изд. Комитета наук УзССР, Ташкент, 1937, стр. 36, 1 таблица и 1 рис. в тексте. Тираж 1000 + 100. Цена 1 рубль.

Работа А. Н. Зографа посвящена истории одного из наиболее темных и, вместе с тем, наиболее значительных периодов в истории народов Средней Азии. Это период падения основанного потомками греко-македонских завоевателей греко-бактрийского царства и образования на его территории варварских юечжийско-сакских государств, впоследствии объединенных правителями одного из них, основателями среднеазиатско-индийской державы «Великих Кушанов».

Нумизматический материал является до сих пор для этого периода одним из основных первоисточников.

Достаточно назвать работы Гарднера, Томаса, Друэна, Кэннингема, Смита, Рэлсона, Стейна, Тарна, чтобы понять, насколько важным для познания этой эпохи является исследование монетных материалов.

Работа А. Н. Зографа, посвященная публикации и исследованию относящихся к этой эпохе материалов советских нумизматических собраний Ленинграда и Ташкента,

¹ См. Bur k i t t—Our Early Ancestors, Cambridge, 1926.

является ценным вкладом в разработку этого круга проблем и должна быть со вниманием прочтена всеми интересующимися древней историей Средней Азии.

Монеты «Герая», первая из которых была опубликована Гарднером в 1874 г., имеют на лицевой стороне изображение бюста царя, обращенного вправо, с повязкой на волосах, одетого в характерный кафтан с отворотами, а на обороте—конную фигуру венчаемого Никой царя и греческую надпись, читаемую большинством исследователей.

ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟΣ ΗΡΑΟΥ ΣΑΝΑΒΟΥ ΚΟΡΡΑΝΟΥ

Лишь Кэннингэм (1888), а в последнее время—Аллотт де-ля-Фюй (1925) читали иначе второе слово, видя здесь ΜΙΑΟΥ и пытаясь отождествить «Мияя» с индо-сакским царем Мауэсом.

Ольденбергу (1885) принадлежит принятое с тех пор всеми истолкование слова ΚΟΡΡΑΝΟΥ как племенное имя кушанов (ΚΟΡΑΝΟ на монетах «Великих Кушанов»).

После публикации Гарднера эта серия монет была предметом анализа в работах Томаса, Саллета, Ольденберга, Кэннингэма, В. Отто, Рэпсона, Аллотт де-ла-Фюй и Г. Батайль, взгляды которых А. Н. Зограф детально анализирует в вводной части своей работы.

Если ни у кого из перечисленных авторов не вызывает сомнения отнесение этих монет к территории, входившей в 250—140 гг. до н. э. в состав Греко-Бактрии, и к периоду, следовавшему за падением греко-бактрийского царства под ударами варваро-завоевателей, то в отношении более точной хронологической и географической датировки, как и в отношении чтения легенды монет, в литературе налицо весьма значительные разногласия.

Эти разногласия могут быть охарактеризованы словами А. Н. Зографа: «даты дававшиеся этим монетам, колеблются между 128 г. до н. э. и 100 г. н. э. Что касается территории, на которой они обращались, то и здесь можно отметить расхождение между районом к югу от Кабула, с одной стороны (Cunningham), и северным Афганистаном—с другой» (стр. 14).

Публикуемый А. Н. Зографом материал значительно расширяет количество доступных для исследования монет, доводя число тетрадрахм до 15, вместо 9 ранее известных, и число оболов до 12, вместо 11. Вместе с тем, работа А. Н. Зографа является значительным шагом вперед в разработке вопроса.

Заслуживает большого внимания сравнительное изучение веса, фактуры и типа монет (стр. 15—27). Сопоставление с материалами греко-бактрийской, парфянской, селевкидской и индо-сакской нумизматики приводит автора к убедительным заключениям, которые можно свести к нижеследующим основным положениям:

1) «Тетрадрахмы „Герая“, как видно, по своим весовым данным примыкают к тетрадрахам Орода I (57—37 гг. до н. э.) и к римской чеканке в Антиохии (47—20 гг. до н. э.)» (стр. 22).

2) По фактуре, отличаясь от греко-бактрийских и ранне-парфянских тетрадрахм «они находят близкие аналогии в парфянских тетрадрахмах, начиная с Санатрука (77—70 гг. до н. э.), и, в особенности, в тетрадрахмах Филиппа Филадельфа (92—83 гг.) и Тиграна Великого (83—66 гг.)» (стр. 24).

3) Типологически эти монеты—по наличию характерного ободка из продолговатых бус—примыкают к типу греко-бактрийских монет Эвкратиды и Гелиокла, к монетам последних Селевкидов, в меньшей степени—к монетам парфянских правителей начала I в. до н. э. (стр. 24). По плану расположения надписи они примыкают теснее всего к монетам Эвкратиды, резко отличаясь в этом отношении от монет индо-скифских царей Пенджаба и индо-парфянских царей Арахозии и Сакастана. В последнем обстоятельстве А. Н. Зограф видит «главное доказательство, что эти последние (монеты «Герая»—С.Т.) прежде всего территориально не связаны с индо-скифской и индо-парфянской группами и восходят, независимо от них, к общему источнику—бактрийским монетам» (стр. 25).

По наличию фигурки Ники, венчающей царя, А. Н. Зограф, вслед за Томасом, связывает монеты «Герая» с монетами Фраата IV (37—4 гг. до н. э.) и (в меньшей степени) — Орода I (57—37 гг. до н. э.). Однако автор не видит в этом причины снижать датировку монет «Герая», отмечая факт проникновения мотива венчания в парфянскую монетную типологию еще в первой половине I в. до н. э. (стр. 27—28).

4) Появление квадратного О, проникающего в парфянскую нумизматику в правление Орода I, при сохранении Σ вместо появляющейся обычно вместе с квадратным О лунарной сигмы, позволяют автору прийти к заключению, что «мы имеем здесь еще не установившуюся переходную стадию в развитии шрифта и позволяют не видеть в квадратной форме О решительного препятствия к тому, чтобы отнести монеты „Герая“ ко времени около середины I в. до н. э., как это, по видимому, вытекает из перечисленных выше весовых, фактурных и типологических аналогий» (стр. 28).

Опираясь, помимо приведенных выше соображений, также на данные новых находок монет в пределах Узбекистана (Ташкент, Термез), автор приходит к общему выводу, что монеты «Герая» были чеканены около середины I в. до н. э. в северном Афганистане (к северу от Гиндукуша), наиболее приближаясь в этом отношении к датировке Аллотт де-ля-Фюй (1925). Посредствующим звеном между монетами «Герая» и их ближайшим прототипом — монетами Эвкратита и Гелиокла — А. Н. Зограф считает варварские подражания монетам последних, имевшие хождение в Средней Азии после падения Греко-Бактрии.

В отношении чтения легенды, вызвавшей, как мы видели, большие споры в литературе, А. Н. Зограф, в основном, примыкает к чтению и истолкованию, данному в статье Батайля (1928) и приведенному нами в начале нашей рецензии.

А. Н. Зограф склонен принять, как наиболее вероятный, перевод легенды: «Правящего (царствующего) Герая, властителя Кушана».

Из четырех слов надписи первое не вызывает сомнения. В чтении и интерпретации второго — предполагаемого имени царя, А. Н. Зограф сохраняет чтение П. Гарднера, снабжая это, однако, серьезными оговорками (стр. 30). Отмечая, что принимаемая за Р черточка между Н и А встречается не на всех монетах и что аналогичная черточка встречается на некоторых монетах между А и О, автор приходит к заключению, что «чтение имени „Герая“ приходится принимать лишь как одно из наиболее вероятных», и соответственно этому везде замыкает его в кавычки.

Что касается третьего слова, А. Н. Зограф считает «единственным более или менее вероятным» предложение Кэнингэмом и принятое Батайлем истолкование слова ΣΑΝΑΒΟΥ «как греческой передачи туземного титула tsanu» в обычной русской транскрипции «шаньюй» — титул, даваемый китайскими источниками правителям хуннов. Однако А. Н. Зограф выдвигает, в качестве возможных, еще 2 варианта истолкования этого загадочного слова. Во-первых, он обращает внимание на наличие Σαv, Σαvα в начале большого количества иранских имен типа Санабар, Санатрук и др. (стр. 30—31). Во-вторых, он считает возможным указать на то, что столица одного из юечжийских ябгу, в период между завоеванием юечжийцами Греко-Бактрии и образованием Кушанского царства, была названа Sang-bi (транскрипция де Groot'a, русская транскрипция — Шуани). «Может ли это имя быть сопоставлено с нашим ΣΑΝΑΒΟΥ (ΣΑΝΑΒ)?», — задает он вопрос специалистам (стр. 31, прим. 1).

В истолковании последнего слова ΚΟΡΡΑΝΟΥ А. Н. Зограф примыкает к ольденбергскому чтению.

II

Переходя к анализу выводов автора, мы должны целиком присоединиться к тем сомнениям и оговоркам, которыми он снабжает свое чтение и истолкование легенды — прежде всего — второго и третьего ее слова. Чтение «Герай» может быть принято лишь как условное обозначение, своего рода «идеограмма» не поддающегося чтению и истолкованию слова, которое с одинаковым успехом может читаться ΗΙΑΙΟΥ↔ΗΡΑΡΟΥ↔ΗΙΑΡΟΥ. А если учесть, что фонетически р=š (в слове ΚΟΡΡΑΝΟΥ), количество возможных вариантов еще возрастает.

Не меньше сомнений возбуждает и третье слово. Я никак не могу присоединиться к А. Н. Зографу в оценке истолкования Кэннингэма. Чтение «шаньюй», или, как предпочитает писать А. Н. Зограф, *tsanui*, мне представляется совершенно неприемлемым ни филологически, ни, особенно, исторически.

Нельзя, кстати, не отметить совершенно напрасного пиетета наших исследователей (не синологов) к западноевропейским транскрипциям китайских слов, часто весьма далеким от действительной фонетики слова, и я бы сказал, пренебрежительное отношение к русской транскрипции, также, конечно, условной, но, по меньшей мере, ничем не уступающей латинской.

Исторически титул шаньюй нигде не засвидетельствован у юечжи, а выступает как чисто хуннский титул. Правитель юечжи всегда именуется китайским словом «ван» — «царь». Совершенно невероятно, чтобы юечжи приняли титул правителей враждебных им хуинов. Больше того — титул юечжийских царей нам хорошо известен по индийским легендам кушанских монет — это то же слово «ябгу» (*yavuga*), которым в форме хи-хэу (по Хирту — Шаванну *уар-хеу) китайцы именуют вождей юечжийских племенных союзов предкушанского периода. Если бы юечжи заимствовали в I в. до н. э. хуннский титул, якобы «обозначающий властителя или царя и иерархически стоящий выше титула *jabgu*, соответствующего царю-вассалу» (рец. соч., стр. 14), было бы совершенно непонятно, почему «Великие Кушаны» вернулись к скромному титулу «царей-вассалов». Нельзя, конечно, при этом не учитывать и очень основательного соображения Кеннеди о скромном характере греческого титула, который мало бы вязался с претенциозным хуннским титулованием. Против отождествления *ΣΑΝΑΒΟΥ* с названием владения одного из пяти юечжийских ябгу предкушанского времени говорит тот факт, что род Шуанми (*Sang-bi*) в списке пяти ябгу стоит рядом с родом Гуйшуан (Кушан), что совершенно исключает соединение этих имен в надписи. Принадлежность этих монет одному из представителей рода кушанов исключает возможность видеть в них результат чеканки какого-либо из остальных четырех юечжийских ябгу периода, предшествовавшего объединению их владений под властью кушанов. Но вряд ли можно видеть в этих монетах докадфизовскую чеканку ябгу кушанского рода. Монеты «Герая» ни по металлу, ни по фактуре, ни по типу не имеют ничего общего с монетами Великих Кушанов. Такое презрение к династической традиции, на наш взгляд, не только непонятно, но и совершенно неправдоподобно.

Между тем — данное выше истолкование слова *ΚΟΡΡΑΝΟΥ* вряд ли возбуждает сомнение. В качестве дополнительного аргумента в пользу кушанского происхождения изображенного на монетах «Герая» царя можно отметить оставшиеся, насколько нам известно, до сих пор неотмеченными признаки искусственной деформации черепа «Герая», аналогичные отмеченным Уйфальви для изображений на монетах кушанов.

Можно спорить лишь о третьем варианте истолкования, предложенном А. Н. Зографом — о его сопоставлении слова *ΣΑΝΑΒΟΥ* с иранскими личными именами на *Sana*, ближе всего — с именем Санабар (нельзя, конечно, отсюда заключать о связи монет «Герая» с известными монетами Санабара). Возможное возражение, что этому противоречит очень скромное место (маленькие буквы между ногами коня), занимаемое этим словом, может быть отведено, если мы учтем, что на монетах Эвкратиды — ближайшем прототипе анализируемых монет — личное имя царя занимает также нижнюю часть надписи, правда, не между ногами, а под ногами коней Диоскуров, место, которое на монете «Герая» занято родовым именем. Мне представляется, что из всех предложенных пока вариантов истолкования этот является единственным правдоподобным.

Тогда, повидимому, в слове «Герай» нужно искать не личное имя, а что-то иное, вернее всего какую-то составную часть титулатуры.

Нам представляются вполне убедительными доводы о чеканке монет «Герая» или, если следовать только что рассмотренному толкованию, «Санаба», к северу от Гиндукуша. Однако находки этих монет на территории Узбекистана вплоть до Ташкента позволяют считать, по меньшей мере, спорным приурочение этой чеканки «северному Афганистану» (стр. 31).

Отнюдь не менее вероятно искать место чеканки монет «Герая» и на территории наших среднеазиатских республик.

В этой связи заслуживают внимания отмеченные в свое время Тизенгаузеном и Томасом черты сходства между монетами «Герая» и той загадочной серией более¹ поздних монет, хорезмийское происхождение которых нам удалось определить в 1938 г.

Несмотря на ряд черт отличия между древнейшими хорезмийскими монетами, датируемыми нами второй половиной III в. н. э., и монетами «Герая» (на хорезмийских монетах, в отличие от монет «Герая», мы находим пышный головной убор и бородастое изображение царя на аверсе, двуязычность надписи на реверсе, круговой план, наличие тамги, отсутствие венчающей царя фигурки Ники, более низкий вес), налицо значительное фактурное и особенно типологическое сходство (ободок из продолговатых бус, всадник на реверсе, чрезвычайно близкая трактовка фигуры коня, рельеф изображений, форма края монет), которое заставляет считать именно монеты «Герая» ближайшим прототипом хорезмийских монет.

Если мы вспомним, что хорезмийские монеты с III по VIII в. сохраняют, при глубоких изменениях в весе и фактуре, неизменно традиционный тип, что свидетельствует о большом консерватизме в этой области, вопрос о генетической связи хорезмийских монет и монет кушана «Герая» («Санаба»?) приобретает крупное значение для династической истории именно Средней Азии.

Мы знаем из данных хроник династий Суй и Тан, что правившие в VI—VII вв. н. э. в Хорезме, Шаше и городах-государствах Согдианы династии были кушанского происхождения. Это подтверждается и близостью тамги хорезмийских афригидов, с одной стороны, к тамге согдийских царей на монетах, опубликованных Смирновой в № 1 ВДИ за 1939 г., с другой—что в свое время отмечалось Марковым, Друэном и другими исследователями—к тамге Великих Кушанов. Однако в интересующую нас эпоху, последовавшую непосредственно за падением Греко-Бактрийского царства, все эти области входили в состав особого, противостоящего владениям юечжийских ябгу, государства Кангюй, ядро которого составил также союз кочевых племен, участвовавших в завоеваниях Греко-Бактрийского царства. Обстоятельство вхождения этих областей в кушанское царство и утверждение в них власти кушанских династий остаются пока темными, и не исключено, что именно монеты «Герая» могут пролить на них некоторый свет.

Я позволю себе сформулировать гипотезу о происхождении монет «Герая», которая, на мой взгляд, удовлетворительно разрешает все противоречия, неизбежно возникающие при прежних истолкованиях этих монет.

Объединение около 25 г. до н. э. 5 юечжийских племенных союзов Бактрии под властью кушанских вождей повлекло за собой одновременную экспансию кушанов на юг—в долину Кабула и далее—в Индию и на север—за Гиссарский хребет, в область, которую ослабленный поражением в войне с Китаем в 36 г. до н. э. Кангюй защищать был уже не в состоянии. Кушанский вождь, член правящего дома кушанов, признававший гегемонию главы правящей фамилии—Кудзула Кадфиза (об этом говорит, как показал Кеннеди, характер греческого титула анализируемых монет), объединив под своей властью Согдиану, Хорезм и Шаш, в конце I в. до н. э. или в начале I в. н. э. (ибо, целиком принимая соображения А. Н. Зюграфа о дате монет, считаю, что с полной бесспорностью они устанавливаются лишь *terminus post quem* их чеканки) начал чеканить от своего имени монету, [долженствующую заметить обратившиеся] до того в этих областях подражания монетам Эвкратиды и Гелиокла.

Чеканка эта производилась теми же мастерами, что и чеканка указанных подражаний. Что же касается символики изображений этих монет, то я никак не могу согласиться с выведением фигуры всадника на монетах Герая из конных Диоскуров монет Эвкратиды. Слишком различна семантика изображений, которую, при всем внешнем сходстве, нельзя не учитывать. Напротив, семантически изображения реверса приемыкают к изображениям индо-сакских и индо-парфянских монет, и в этом круге

¹ См. наши статьи в № 1 и 4 ВДИ за 1938 г.

идеологических представлений и политических символов и нужно искать истоки символов реверса монет «Герая». Если вес определен условиями международного монетного рынка, фактура и лишённые семантики элементы типа (ободок) отразили влияние привыкшего подражать греко-бактрийским монетам мастера, — то в их изображениях сказалась уже воля заказчика—кушанского вождя, пожелавшего воспроизвести близкие его сознанию символы монет его недавних заигндукушских соседей.

Дальнейшая консолидация империи кушанов привела к прекращению выпуска кушанскими правителями недавних кангюйских владений своей монеты и вытеснению ее возникшей совершенно независимо и развившейся из иных источников чеканкой главной линии кушанских царей. Однако, надо полагать, монеты «Герая» продолжали еще долго обращаться в Средней Азии и, в частности, в Хорезме. Во всяком случае, в III веке н. э., когда, по данным «письма Тансара», правители Хорезма становятся независимыми от ослабевшей власти Великих Кушанов, они еще не были забыты. Не исключено, впрочем, что прекращение выпуска этих монет или пока неизвестных нам подражаний им произошло достаточно поздно—скорее всего в правление Канишки (конец I—начало II в. н. э.). Длительность обращения подражаний монетам Эвкратиды и Гелиокла после падения Греко-Бактрии делает это предположение достаточно вероятным.

Однако не с главной линией, а с северным младшим ответвлением правящего дома кушанов были связаны позднейшие кушанские династии среднеазиатских государств—«Чжао-ву» Хорезма, городов Согдианы и Шаша. И возвращение шахов Хорезма к типу чеканки «Герая-Санаба» было не случаем и даже не просто традицией. Это было политическим символом независимости, подчеркнутым противопоставлением связанного с местной династической традицией северных кушанов типа монет типу южно-кушанскому, олицетворяющему власть чуждого, а может быть, и враждебного кушанским династам Хорезма Пешаверского дома.

Данные о местах находок монет «Герая-Санаба» слишком незначительны, чтобы решить вопрос о более точном определении места их чеканки. Очень заманчиво было бы искать это место в Хорезме—там, где традиция монет «Герая» просуществовала до VIII в. Но пока отсутствуют прямые данные, настаивать на этом, конечно, невозможно. Можно было бы предположить, что таким центром являлась Кушания на Зеравшане; самое это имя указывает на особое место, которое она должна была занимать в кушанскую эпоху. Но это тоже не более, как догадка.

Само собой разумеется, предложенная нами гипотеза нуждается в дальнейшем исследовании.

С. Толстов

Удачный опыт

«Известия Иркутского Государственного научного музея», т. II (LVII). Иркутское областное издательство, Иркутск, 1937, 311 стр.

Вышедший недавно в издании Иркутского областного издательства сборник краеведческих статей под общим заголовком «Известия Иркутского Государственного научного музея» продолжает издание, начатое еще в 1923 г. Иркутским музеем под тем же названием. В то же время сборник этот является продолжением хорошо известной далеко за пределами Сибири серии «Известий» Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества (позднее «Общества изучения Восточно-Сибирской области»).

Статьи в сборнике распределены по трем основным разделам: историко-культурному, географическому и экономическому, геологическому, четвертый раздел—хроника. Участие в сборнике 16 авторов наглядно показывает успехи научно-исследовательской деятельности в области изучения Восточной Сибири.

Значительный интерес, и не только с «местной точки зрения», представляет истори-